

Научная статья

УДК 82.0

DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-340-350

«Мурзилка» Николая Олейникова

Феликс Владимирович Кувшинов

Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия
f.kuv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1974-6158>

Аннотация

В конце XIX в. в русской литературе появились маленькие лесные человечки – брауни, которых придумал и нарисовал канадский писатель Палмер Кокс. Его главный персонаж – Мурзилка – на протяжении полувека своей литературной эволюции трансформировался в образ хорошо известного советскому читателю Незнайки. Одной из литературных ветвей развития брауни стал Макар Свирепый, главный герой комиксов Николая Олейникова. В отличие от Мурзилки Кокса и Незнайки Н. Н. Носова он лишен многих негативных черт. Это чрезвычайно деятельный и одновременно политизированный персонаж, что связано со сменой культурного кода в России после 1917 г. Особенность Макара Свирепого заключается в его идейности, перерастающей в идеологию. Вместе с тем он унаследовал от брауни Кокса тягу к путешествиям и способность попадать в невероятные ситуации.

Ключевые слова

Николай Олейников, Палмер Кокс, Мурзилка, Незнайка, Макар Свирепый, брауни, детская литература

Для цитирования

Кувшинов Ф. В. «Мурзилка» Николая Олейникова // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 340–350. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-340-350

© Кувшинов Ф. В., 2022

“Murzilka” by N. M. Oleynikov

Felix V. Kuvshinov

Lipetsk State Pedagogical University
named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky
Lipetsk, Russian Federation
f.kuv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1974-6158>

Abstract

At the end of the 19th century, small forest people – brownies – appeared in Russian literature, invented and drawn by the Canadian writer Palmer Cox. His main character – Murzilka – for half a century of his literary evolution transformed into the image of the well-known Soviet reader, Neznajka. One of the literary branches of the brownie’s development was Makar Svirepyj, the main character of Nikolai Oleynikov’s comics. Unlike Murzilka of Cox and N. N. Nosov’s Neznajka, he is devoid of many negative traits. He is an extremely active and at the same time politicized character, which is associated with the change of the cultural code in Russia after 1917. Makar Svirepyj’s peculiarity lies in his ideology growing into ideology. At the same time, he inherited from the Brownie Cox a propensity for travel and the ability to get into unbelievable situations.

Keywords

Nikolai Oleynikov, Palmer Cox, Murzilka, Neznajka, Makar Svirepyj, brownies, children literature

For citation

Kuvshinov F. V. “Murzilka” by N. M. Oleynikov. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 340–350. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-340-350

В отечественной и западной филологической науке уже было указано на эволюцию образа брауни (brownies) в русской и советской детской литературе: от буквального копирования лесных человечков, созданных канадским писателем и иллюстратором Палмером Коксом (1840–1924), до трансформации в образ хорошо известного каждому советскому ребенку Незнайки из книг Н. Н. Носова.

Так, в 2006 г. И. Л. Галинская одна из первых указала на прообраз Незнайки: «В 1913 г. Товарищество М. О. Вольф <...> выпустило книгу Пальмера Кокса “Новый Мурзилка. Удивительные приключения и странствования маленьких лесных человечков” с рисунками автора, написавшего множество стихотворных историй про “Brownies” (так по-английски

называются домовые и всякая мелкая лесная нечисть), а после еще и придумавшего к ним картинки» [Галинская, 2006, с. 55].

Однако, как позже показал финский исследователь русской детской литературы Бен Хеллман, Мурзилка в России был известен еще в конце XIX в. Хеллман обратил внимание на маленьких человечков Кокса в контексте анализа творчества Василия Васильевича Князева (1887–1937) [Хеллман, 2014], больше известного как сатирик и собирателя фольклора [Казак, 1996, с. 189]. В монографии «Сказка и быль: история русской детской литературы» Хеллман обобщил свои наблюдения над историей Мурзилки в русской и советской детской литературе. Первые русские брауни появились в журнале «Задушевное слово» в 1887 г., в 1889 г. вышла книжка «Царство малюток. Удивительные приключения лесных человечков», а в следующем – «Лесные малютки: Приключения и странствования крошечных эльфов» [Hellman, 2013, p. 177]. Через девять лет в России издают книгу «Царство малюток. Приключения Мурзилки и лесных человечков» [Хвольсон, 1898].

Еще одна работа, в которой брауни рассматриваются как прототип Незайки, принадлежит И. В. Вдовенко [2016]. В своей статье исследователь упоминает имя Л. Евгеньева, автора книги «Новый дневник Мурзилки: Кругосветное путешествие лилипутиков» (1927). Книжка Евгеньева представляет собой пример попытки адаптировать брауни Кокса к советскому культурному коду. По крайней мере, примирить их с ним. Так, у Евгеньева маленькие человечки начинают свое путешествие из Москвы. Здесь лилипутики посещают мавзолей, главную сакральную достопримечательность Советской России: «Все мы гуськом перешли через площадь и, сняв шляпы, стали входить в мавзолей. <...> Поклонившись Ленину, который лежал как живой, мы тихо вышли на площадь и через ворота вошли в Кремль» [Евгеньев, 1927, с. 16]. Почтительность лилипутиков понятна. Перед посещением мавзолея Знайка рассказывает своим друзьям о том, «как жил и боролся Ленин за счастье всех трудящихся и как произошла Октябрьская Революция», и о том, что «Ленин очень любил детей и заботился о них» [Там же, с. 14–15].

Подытоживая свои наблюдения, Вдовенко говорит о том, что после появления книги Евгеньева наступил десятилетний перерыв в истории русского / советского Мурзилки, и его появление вновь фиксируется только в 1937 г. [Вдовенко, 2016, с. 251].

На этом моменте хотелось бы остановиться подробнее. Утверждение о десятилетнем отсутствии трансформированного в условиях советской

действительности образа Мурзилки в советской детской литературе требует оговорки. Изначальный посыл, согласно которому лесной эльф Мурзилка стал прототипом Незнайки, позволяет выдвинуть гипотезу, суть которой заключается в том, что Мурзилка стал прототипом еще одного персонажа, сочетавшего в себе конституционные черты маленького человечка с новыми типологическими чертами. Эти новые особенности, касающиеся и внешнего вида персонажа, и его характера, были обусловлены веянием времени и особенностью авторской поэтики. Речь идет о Макаре Свирепом, главном герое комиксов Николая Макаровича Олейникова (1898–1937). В объемном исследовании «Сказка и быль» Хеллман, говоря о Николае Олейникове и упоминая его Макара Свирепого, проходит мимо бросающихся совпадений (но и отличий) между Мурзилкой и олейниковским персонажем, которые и стали предметом данного исследования.

Будучи редактором журнала «Еж» («Ежемесячный журнал»), Н. М. Олейников одновременно реализовал себя и как детский писатель (например, «Танки и санки», 1928; «Удивительный праздник», 1928; «Индийская голова», 1929), и как поэт, и как создатель детских комиксов. В 1929 г. в журнале выходит цикл иллюстрированных приключений Макара Свирепого, образ которого схож с его создателем буквально фотографически. На иллюстрациях изображен маленький человек с курчавыми волосами и в кепке. В том же номере журнала, сразу после первого комикса, посвященного Макару, была размещена история о том, как Макар Свирепый фотографировался у знаменитого американского фотомастера. Окончательный фотопортрет (на котором изображен сам Олейников) не оставляет никаких сомнений, кто послужил прототипом Макара.

Схожий способ дезавуалирования выбрал и другой сотрудник «Ежа» и близкий друг Олейникова – Даниил Иванович Хармс (1905–1942), который создал собственного прототипа в журнале – Ивана Топорышкина, героя стихотворения «Иван Топорышкин пошел на охоту...» (1928), впервые опубликованного во все том же «Еже».

Именно в этом журнале «родился» Макар Свирепый, о приключениях которого рассказывалось на протяжении нескольких лет.

Первые «Удивительные приключения Макара Свирепого» (1929, № 5) были связаны с Африкой, в которой главный герой пропагандировал детский журнал среди автохтонов: «Вся Африка будет читать “Еж”, – сказал Макар, вскочил на коня и во весь опор ринулся на пароход» [Олейников, 1929в, с. 31].

В следующем комиксе, «Макар Свирепый в Африке» (1929, № 6, 7), который можно считать продолжением «Удивительных приключений», похождения Макара на Африканском континенте продолжаются.

Эти два комикса по своей сути являются типичными для поэта чинарского окружения, которому присущи игра, отсутствие мотивировки действий, неожиданность, алогичность и проч. Вопрос, почему именно «вся Африка будет читать» журнал, а не «вся Европа» или «вся Азия», в рамках игрового художественного мышления чинарей не важен. Важно само путешествие, а не обоснование его причин. Помимо прочего Олейников продолжал модернистскую традицию использования Африки как экзотического региона, в котором возможны любые сюжетные эксперименты.

В следующем приключении Макара «Путешествие Ежа» (1929, № 6) и «Макар возвратился» (№ 10) появляется новый персонаж, Иван Топорышкин, с которым они отправляются в кругосветное путешествие и оказываются в Берлине, где их арестовывают и высылают из страны «как агентов коммунистического журнала “ЕЖ”» [Олейников, 1929а, с. 32].

В «Новых приключениях Макара Свирепого» (1930, № 13, 15–16, 17–18, 21, 22–23, 24) главный герой снова оказывается в Германии, стремясь попасть на пионерский слет в Галле (Второй Международный конгресс пролетарских детей).

В комиксе «Макар Свирепый в Америке» (1931, № 4, 6, 10, 14, 19–20, 21, 22) олейниковский Мурзилка отвечает на вызов американских куклуксклановцев, над которыми одерживает (не без труда) блестящую победу.

Как видно, приключения Макара с каждым разом становятся все более объемными и более политизированными. Если в первом комиксе эпизод, связанный с упоминанием английского полковника Лоуренса, который «сжег четырнадцать негритянских селений» [Олейников, 1929в, с. 32]¹, не становится центральным, не акцентирует в дальнейшем на себе внимания, то в последних трех комиксах политика играет главенствующую роль. Обусловлено ли это государственным заказом (которого не было – речь может идти только о политической повестке того дня), объясняется ли это скудностью фантазии автора (во что не верится), результат очевиден: при-

¹ Надо полагать, что Олейников имел в виду Томаса Эдварда Лоуренса, видного британского военного и политического деятеля, который прославился в ходе военных операций на Ближнем Востоке. В 1929 г. в СССР вышла книга Лоуренса «Восстание в пустыне» [1929], в которой много натуралистических описаний боевых действий.

ключения Макара Свирепого в Германии и Америке в большей степени носят идеологический характер, нежели характер развлекательный.

Не случайным в этом свете видится упрек со стороны автора словарной статьи об Олейникове в том, что, «пользуясь приемами тайны, неожиданности, анекдотом, фельетоном, стремясь к остроте и занимательности, Олейников нередко делает это в ущерб содержанию, допускает некоторую вульгаризацию действительности» [Эйхлер, 1934, стб. 276–277]. Характеризуя «серию комических рассказов-картинок» Олейникова, тот же критик замечает, что они-то как раз насыщены и «политическим содержанием», о чем будет сказано ниже.

Анализируя образ Макара Свирепого в контексте его понимания как этапа эволюции образа Мурзилки – Незнайки в отечественной детской литературе, можно обнаружить как схожие, так и отличные черты между Макаром и его предшественником, что, повторимся, обусловлено не только советским культурным кодом 1930-х гг., но и особенностью поэтики Олейникова.

Мурзилке Кокса присущи лень, фантазерство, хвастовство, бахвальство, непоседливость, самонадеянность, склонность к вранью, мнимая храбрость, трусоватость, тщеславие, снобизм, беззаботность [Вдовенко, 2016, с. 244; Хеллман, 2014, с. 236].

Лишь некоторые черты лесного человечка Кокса обнаруживаются в Макаре Свирепом (в отличие от носовского Незнайки), причем в большинстве своем они трансформированы из негативных в положительные.

Макар Свирепый начисто лишен лени, пустых фантазий и уж тем более снобизма. Он действительно храбр. Хвастовства он также лишен. В последнем своем приключении Макар как раз сталкивается с обвинениями в этом прегрешении: «Однажды в редакцию явился заезжий американец и подал Макару Свирепому письмо. Макар разорвал конверт и прочел: “Как ты смеешь, презренный хвастунишка, издеваться над полицейскими? Попробуй явиться к нам в Америку. Тут ты узнаешь, кто такие Стальная Шпага, Железный Фартук и Электрический стул. Прощай, образина. К.К.К.”» [Олейников, 1931, с. 8].

Поездка Макара в США и его противостояние с «американскими фашистами» является доказательством того, что в хвастовстве обвинять Свирепого нельзя.

Самонадеянность и беззаботность в Макаре обусловлены не внутренней пустотой, безответственностью или глупостью, а уверенностью в своих силах, хладнокровностью и осознанием собственной правоты.

Макар Свирепый схож с Мурзилкой в своей способности к гипермобильности. Действительно, подвижность Макара поражает: он не просто легок на подъем, он использует и фантастические способы² мгновенного перемещения из одного локуса в другой: «– У нас нет времени ехать паромом или аэропланом! – сказал Макар. – Нагните эту пальму. Она доставит нас в Ленинград с быстротою молнии. <...> негры <...> наклонили мощное дерево до земли. Макар попрощался с друзьями. <...> Через полчаса Макар был уже в редакции» [Олейников, 1929б, с. 32].

Однако если сравнить географию путешествий Мурзилки Кокса и географию путешествий Макара, то последняя явно проигрывает.

В «Рассказах о приключениях Мурзилки и лесных человечков» брауни посещают Китай, Индию, Америку, Италию, Швейцарию, Германию, Францию, Англию, Голландию, Бельгию, Австрию, Польшу и даже подумывают о путешествии в Россию. Читая о путешествиях эльфов Кокса, ребенок хоть и в очень скромном объеме, узнает об особенностях той или иной страны или нации без какой-либо политической подоплеки.

Макар также собирался в кругосветное путешествие, в ходе которого он должен был посетить Германию, Францию и Португалию. Но, как говорилось выше, он побывал только в Африке, Германии и США. Причем Африка явно носит собирательный характер. И вместе с тем, в отличие от Кокса, у редакции детского *советского* журнала «Еж» стояла задача показать чужой мир с изнанки, его темную сторону, которая должна отталкивать, вызывать неприятие. Именно поэтому Макар Свирепый так часто сталкивается с полицией. У Олейникова приключения Макара не менее эпатажны, нежели у Кокса, но знание о мире по большей части носит не историко-культурный характер, а политико-просветительский.

Главное отличие Макара Свирепого от Мурзилки Кокса заключается в его идейности, перерастающей в идеологию. Бестолковость брауни Кокса прекрасно сочетается с его нелепым видом (фрак, цилиндр, монокль). В то же время Макар Свирепый является воплощением советского сверхчеловека, который с помощью силы, ловкости, хитрости, сообразительности, бесстрашия преодолевает многочисленные препятствия.

Вместе с тем в комиксах Олейникова появляются детали, связанные непосредственно с приключениями Мурзилки. Так, во втором комиксе Макар Свирепый активно использует фотокамеру, которая часто упомина-

² Справедливости ради стоит отметить, что и эльфы у Кокса используют, например, сапожки-мореходки.

ется в «Рассказах Мурзилки о собственных подвигах и удивительнейших приключениях маленьких человечков». По замечанию Вдовенко, «фотоаппарат и брауни в сознании людей, помнящих начало века, связаны практически воедино. Выпущенная фирмой Кодак в 1900 г. специальная “детская” камера (“простая настолько, что ей могут пользоваться дети”) называлась “Брауни”» [Вдовенко, 2016, с. 252].

По рисункам Кокса видно, что камера, которую использует Знайка, похожа на кодаковский компактный продукт, в то время как у Макара камера несколько более внушительных размеров – скорее всего, крупноформатная камера со складывающимся фокусировочным мехом.

В «Рассказах Мурзилки...» фотокамера появляется очень часто, в том числе в «Приключении третьем. Как лесные человечки оказались среди змей и чуть не заплатились жизнью». Действительно, с эльфами приключилась беда: трех из них проглотила змея, но находчивость и смелость одного из них помогла им выбраться из брюха змеи: «Вдруг из самого живота змеи раздался выстрел, а затем послышались веселые крики:

– Ура! Мы спасены!

Оказалось, что Мик и в животе змеи не растерялся и выстрелил из револьвера, пробив в ее коже отверстие» [Кокс, 2016, с. 224].

Эта сюжетная линия почти полностью воспроизведена в первом приключении Макара, с той лишь разницей, что у Кокса Мурзилка только наблюдает за опасными приключениями и рассказывает о них, в то время как Макар Свирепый сам спасает себя: «Наш сотрудник упал в раскрытую пасть чудовища, но смелость и находчивость спасли его. Финским ножом он быстро прорезал тугую шею змеи и, надев змею как пальто, пошел навстречу туземному населению» [Олейников, 1929в, с. 33].

В то же время Макар Свирепый напрямую использует фотоаппарат (точнее, штатив-треногу для него) как оружие. Говоря о параллелях между Мурзилкой Палмера Кокса и Макаром Свирепым Николая Олейникова, конечно же, стоит понимать их определенную условность. Степень знакомства Олейникова с Мурзилкой установить не представляется возможным. По замечанию Хеллмана, в начале XX в. Мурзилка Кокса Палмера стал настоящей франшизой: любителям маленьких человечков были представлены игры, кукольный театр, игрушки и т. п. [Hellman, 2013, p. 177]. Можно лишь предположить, что Олейников или сам читал переводы Хвольсон, или о Мурзилке ему было рассказано кем-то из его богатого литературного окружения (Е. Л. Шварц, С. Я. Маршак, К. И. Чуковский, Б. С. Житков и др.).

Николай Олейников, человек со сложной и трагической судьбой, родился в 1898 г. Именно в этот год благодаря Анне Борисовне Хвольсон (1868–1934) в России появилась первая полноценная книга о Мурзилке «Царство малюток: Приключения Мурзилки и лесных человечков». В середине 1937 г. происходит возвращение Мурзилки как персонажа, причем визуализированного: в седьмом, июльском, номере детского журнала «Мурзилка» появляется «экстренное сообщение», согласно которому художник А. М. Каневский «поймал» и «притащил в редакцию» это «удивительное существо» (Мурзилка, 1937, с. 1)³. Именно в этом году, осенью, создатель Макара Свирепого будет расстрелян, – еще одна историческая параллель, которая носит внелитературный характер, но все же не может быть оставленной без внимания.

Список литературы

Вдовенко И. В. Мурзилка на фабрике советского (модели присвоения и переозначивания «чужого» в советской детской литературе) // Детские чтения. 2016. № 2. С. 237–269.

Галинская И. Л. Незнайка и его предшественники // Культурология. 2006. № 4. С. 54–57.

Евгеньев Л. Новый дневник Мурзилки: Кругосветное путешествие лилипутиков. Одесса: Авт. склад издания: одес. отд. акц. об-ва кн. торговли, 1927. 179 с.

Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: Культура, 1996. 492 с.

Кокс П. Приключения Мурзилки и маленьких человечков: Повестки-сказки. М.: Эксмо, 2016. 472 с.

Лоуренс Т. Э. Восстание в пустыне: [Воспоминание об англо-арабских операциях против Турции]. М.; Л.: Московский рабочий, 1929. 355 с.

Олейников Н. М. Макар возвратился // Еж. 1929а. № 10.

Олейников Н. М. Макар Свирепый в Африке // Еж. 1929б. № 7.

Олейников Н. М. Удивительные приключения Макара Свирепого // Еж. 1929в. № 5.

³ Характерно, что образ «нового» Мурзилки не имеет ничего общего ни с браунни, ни с Макаром Свирепым – это даже не человек, а антропоморфная белая собака. Но, что примечательно, на его родство с прототипом указывает неизменный фотоаппарат.

Олейников Н. М. Макар Свирепый в Америке // *Еж*. 1931. № 4.

Хвольсон А. Б. Царство малюток: Приключения Мурзилки и лесных человечков в двадцати семи рассказах. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, ценз., 1898. 216 с.

Хеллман Б. «В пяти верстах от истины»: детская поэзия Василия Князева // *Детские чтения*. 2014. № 2. С. 233–242.

Эйхлер Г. Олейников // *Литературная энциклопедия*: В 11 т. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. энцикл.», 1934. Т. 8. Стб. 276–277.

Hellman B. Fairy tales and true stories: the history of Russian literature for children and young people (1574–2010). Boston; Leiden: Brill, 2013. XI, 588 p.

Reference

Сох Р. *Priklyucheniya Murzilki i malen'kikh chelovechkov: Povesti-skazki*. Moscow, Eksmo, 2016, 472 p. (in Russ.)

Eikhler G. Oleynikov. In: *Literaturnaya entsiklopediya*. In 11 vols. Moscow, 1934, vol. 8. (in Russ.)

Evgenev L. *Novyj dnevnik Murzilki: Krugosvetnoe puteshestvie liliputikov*. Odessa, 1927, 179 p. (in Russ.)

Galinskaya I. L. *Neznajka i ego predshestvenniki. Kul'turologiya*, 2006, no. 4, pp. 54–57. (in Russ.)

Hellman B. “V pyati verstakh ot istiny”: detskaya poeziya Vasiliya Knyazeva. *Detskie chteniya*, 2014, no. 2, pp. 233–242. (in Russ.)

Hellman B. *Fairy tales and true stories: the history of Russian literature for children and young people (1574–2010)*. Boston, Leiden, Brill, 2013. XI, 588 p.

Hvolson A. B. *Tsarstvo malyutok: Priklyucheniya Murzilki i lesnykh chelovechkov v dvadtsati semi rasskazakh*. St. Petersburg, Moscow, 1898, 216 p. (in Russ.)

Kazak V. *Leksikon russkoy literatury XX veka*. Moscow, Kul'tura, 1996, 492 p. (in Russ.)

Lawrence T. E. *Vosstanie v pustyne: [Vospominanie ob anglo-arabskikh operatsiyakh protiv Turtsii]*. Moscow, Leningrad, Moskovskiy rabochiy, 1929, 355 p. (in Russ.)

Oleynikov N. M. *Makar Svirepyj v Afrike. Ezh*, 1929, no. 7. (in Russ.)

Oleynikov N. M. *Makar Svirepyj v Amerike. Ezh*, 1931, no. 4. (in Russ.)

Oleynikov N. M. *Makar vozvratilsya. Ezh*, 1929, no. 10. (in Russ.)

Oleynikov N. M. Udivitel'nye prikladyeniya Makara Svirepogo. *Ezh*, 1929, no. 5. (in Russ.)

Vdovenko I. V. Murzilka na fabrike sovetskogo (modeli prisvoeniya i pereoznachivaniya "chuzhogo" v sovetskoy detskoj literature). *Detskie chteniya*, 2016, no. 2, pp. 237–269. (in Russ.)

Информация об авторе

Феликс Владимирович Кувшинов, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Felix V. Kuvshinov, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 10.12.2021;
одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 15.03.2022
The article was submitted 10.12.2021;
approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 15.03.2022*